

откланялся.—«Прощайте-сь, мы близко здѣсь живемъ другъ возлѣ друга-сь»,—и опять принужденно судорожное хи-хи-хи! Такъ кончилось свиданіе съ прovidѣніемъ Севастополя. Чѣо же это такое? Пуфъ, или правда? Чѣо значитъ это уединеніе, это притворное спартанство? Къ чему жить въ лачугѣ и хвастаться еще этимъ, когда можно бы было жить и въ городѣ, и въ батареѣ, гдѣ мы теперь живемъ. Чѣо значитъ это смиреніе, эта тихая, прерывистая рѣчъ. По дорогѣ въ Севастополь я познакомился съ двумя партіями; одна укоряетъ главнокомандующаго, что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на административную часть, имѣя въ виду только стратегическую; къ другой принадлежитъ именно Апраксинъ, который называетъ себя дуракомъ за то, что онъ, оставивъ жену и дѣтей, вступилъ опять въ службу и окончуженный возвращался во-свояси. Апраксинъ, — какъ кажется, добрый и честный человѣкъ,—утверждалъ, что геній Меншикова втайнѣ приготовляетъ огромные планы, что это великий полководецъ, знающій всѣ глубины человѣческаго сердца, что онъ одинъ можетъ спасти Севастополь и что безъ него все потеряно. Пріѣхавъ въ Севастополь, я, за исключеніемъ д-ра Таубе, который *nolens volens* долженъ все хвалить въ своемъ паціентѣ, кромѣ его привязанности къ Радемахеру, Распалю и атомистикѣ, узналь только одну партію — ненавистни-

ковъ, къ которой незамѣтно перешелъ и самъ, по-
сѣтивъ Бахчисарайскій и Севастопольскій военно-
земельные госпитали. Главная квартира тихая и
безмолвная, какъ могила; это уже, что ни го-
вори, не по-русски, да и къ чему. Людямъ, у ко-
торыхъ жизнь на волоскѣ, скучать вредно. Безза-
ботность обѣ участіи солдатъ (которыхъ онъ, гово-
рятъ, ругаетъ напропалую) и явственное пренебре-
женіе ко всему, что грѣетъ и живить, не можетъ
привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокоман-
дующій ни разу не пришелъ въ госпиталь къ сол-
датамъ, ни разу не сказалъ радушнаго слова тѣмъ,
которые легли на смерть? Я видѣлъ на Кавказѣ,
что Воронцовъ приходилъ самъ къ раненымъ, раз-
давалъ имъ деньги, награды, а Меншиковъ, пріѣхавъ
только однажды въ госпиталь къ генералу Вильбуа,
не пришелъ взглянуть, какъ лежали на нарахъ ску-
ченные, заморенные, полусгнившіе легіоны, выслан-
ные на смерть. Время покажетъ, что такое Менши-
ковъ, какъ полководецъ. Но если онъ и защитить
Севастополь, то я не припишу ему никогда этой за-
слуги. Онъ не можетъ и не хочетъ сочувствовать
солдату, онъ плохой Цезарь. Онъ хочетъ свои не-
достатки прикрыть мистическимъ молчаніемъ и при-
творнымъ спартанствомъ, но врядъ ли многихъ на-
дуетъ. Дай Богъ, чтобы все это было неправда,
чтобы Меншиковъ сдѣлался дѣйствительно великимъ

лицомъ въ исторіи, я этого ему отъ души желаю потому, что желаю видѣть Севастополь въ нашихъ рукахъ; но то вѣрно: солдаты не знаютъ своего полководца, полководецъ не заботится о солдатахъ. Въ двухъ комнатахъ, отведенныхъ намъ въ батареѣ, нась помѣстилось четверо, а потомъ черезъ 9 дней прїѣхало еще четверо врачей, и они всѣ помѣстились тутъ же; отъ этого наша квартира сдѣлалась похожею на нижегородскую ярмарку. Поутру мы всѣ выѣзжаемъ гуртомъ на казацкихъ лошадяхъ, прикомандированныхъ намъ начальникомъ Штаба, вечеромъ собираемся вмѣстѣ. Двѣнадцать дней въ Севастополь прошли одинъ какъ другой; только 3 раза удалось мнѣ побывать въ самомъ городѣ, перѣѣхавъ на яликѣ Нахимова; два раза я былъ въ Дворянскомъ Собрани, въ которомъ теперь устроенъ перевязочный пунктъ; до этого дома до сихъ поръ еще не долетали непріятельскія ядра, но когда мы посѣщали другой перевязочный пунктъ, находящійся вмѣстѣ съ временнымъ госпиталемъ въ казармахъ около морского госпиталя, то въ бухтѣ показался нашъ пароходъ, и въ то же самое мгновеніе пролетѣло мимо нась въ почтительномъ разстояніи ядро съ англійской батареи и упало въ воду саженяхъ въ 10 отъ парохода. Изъ этихъ казармъ видны непріятельскія батареи, разсѣянныя на возвышеніяхъ южной стороны города. Онѣ выстро-

ены на крутой горѣ, на которую надобно подниматься пѣшкомъ и не безъ труда по скользкой слякоти. Морской госпиталь, выстроенный на этой же самой горѣ, очищенъ отъ больныхъ: въ него во время бомбардированія, несмотря на выкинутый красный флагъ, летали бомбы, изъ которыхъ одна упала между двумя кроватями, лопнула, но не сдѣлала вреда. Рассказываютъ, какъ любопытный фактъ, что во время переноски больныхъ падавшія на дворъ бомбы не повредили ни одного больного и ни одного служителя, зато въ перевязочномъ пункѣ, который устроили-было насупротивъ госпиталя въ домѣ Унтина, одна бомба влетѣла черезъ крышу въ комнату, гдѣ дѣлали операциіи, и оторвала у оперированнаго обѣ руки.

Примѣчаніе. Это письмо писалось отрывками, почему числа и мѣсяцы относятся къ описываемымъ событиямъ.

24 ноября. Севастополь.

Ѣду сегодня въ Симферополь дня на 4, посмотреть на госпиталь и узнать о сестрахъ милосердія, которые должны на дняхъ явиться.

Не знаю, отчего ты еще не получила моихъ двухъ писемъ съ дороги изъ Харькова и Екатеринослава? Въ Харьковѣ я отдалъ съ рукъ на руки

станционному смотрителю, въ Екатеринославъ отослалъ на почту — оба въ казенныхъ конвертахъ. Всѣ твои письма до шестого отъ 13 ноября получилъ, вижу, что ты не совсѣмъ благоразумно переносишь разлуку. Господь съ тобою, утѣшься: вѣдь ты хорошо знаешь, что съ тобою ли, безъ тебя ли, я все-таки тебя люблю больше всего на свѣтѣ, такъ о чёмъ же грустить, положись на волю Божію и будь спокойна, а тамъ посмотримъ, Богъ не оставитъ. Любя меня, радуйся, что я могу принести свою лепту дорогой родинѣ въ такую страшную годину испытанія. Говорятъ, что они скоро будутъ бомбардировать, тогда и развязка будетъ скорая; другіе же говорятъ, что будутъ зимовать и ждать для этого весны. Тогда мнѣ пока здѣсь оставаться будетъ незачѣмъ, и я, разумѣется, медлить не буду, чтобы утѣшить тебя, но, какъ ты видишь, ничего не извѣстно, здѣсь такъ же мало знаютъ, какъ и въ Петербургѣ.

Я стала писать журналъ моей экспедиціи и посылаю тебѣ его листками. Тому, кто поинтересуется, напримѣръ, Николай Федоровичъ Здекауеръ, Глазенапъ, можешь дать прочесть. Тебѣ же скажу, что я едва управляюсь съ дѣломъ и возвращаюсь вечеромъ усталый и потому могу писать только отрывками. Покуда здѣсь продолжаетъ быть спокойно, отъ времени до времени слышится канонада,

особливо ночью, но ядра до нась не долетаютъ, а много-много если падаютъ въ бухту. Матросы и солдаты убѣждены, что Севастополь не будетъ взятъ, но все покрыто мракомъ неизвѣстности, а только извѣстно и очевидно, что раненые валяются безъ призрѣнія и долго-долго нужно хлопотать, чтобы какъ-нибудь привести ихъ въ положеніе мало-мальски сносное.

Я въ Симферополѣ оставлю мой чемоданъ и все тяжелое, останусь тамъ дней 5, а можетъ быть и больше.

Поцѣлуй же и обними дѣтей, прощай, моя дорогая, не грусти ради Бога, а то ты и на меня грусть наведешь, а покуда я доволенъ хотя тѣмъ, что моя поѣздка не безъ пользы. Всѣ четыре врача прибыли, и мы, 8 человѣкъ, живемъ пока вмѣстѣ въ 2-хъ комнатахъ.

Твой

29 ноября.

У меня готово продолженіе моего журнала, но я его тебѣ не посылаю теперь: прочитавъ написанное, я самъ испугался, что уже слишкомъ много сказалъ правды. Послѣ при удобномъ случаѣ ты получишь его.

Вотъ тебѣ пока описаніе 12-дневной моей жизни въ Севастополѣ отъ прибытія до поѣздки въ Симферополь.

Симферополь. 29 ноября.

Поутру въ 7 часовъ замѣчается въ нашей квартирѣ необыкновенное движение. Все суетится. Представь себѣ пять молодыхъ людей, встающихъ въ одно время съ полу въ комнатѣ, въ которой отъ чемодановъ и ящиковъ повернуться негдѣ. Всякій ищетъ тамъ и то, гдѣ онъ никогда и ничего не клалъ. Фельдшера бѣгаютъ изъ одной комнаты въ другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь свѣжею водою, напяливаю сверхъ панталонъ большіе мужицкіе сапоги, купленные въ Екатеринославѣ и ежедневно питаемые саломъ, надѣваю мой длиннополый сюртукъ, уже порядочно пропитанный разными животными началами, отъ которыхъ ограждаюсь болѣе или менѣе кавказскимъ краснымъ шелковымъ бѣльемъ, и сажусь пить кофе, иногда съ молокомъ, а иногда и безъ молока, закусываю хлѣбомъ, не имѣющимъ никакого притязанія называться мягкимъ. Въ 9 часу крымскій казакъ приводить четверку верховыхъ клячъ; я надѣваю солдатскую шинель, купленную здѣсь у одного солдата и перешитую придворнымъ портнымъ, мундирную фуражку, взятую напрокатъ у Обермюллера, и сажусь на лошадь. Эта шинель имѣть неоспоримыя выгоды въ Севастополь уже потому, что она какъ-то подъ

цвѣтъ съ грязью. Цѣлая кавалькада отправляется въ госпитали, расположенные за полъ-версты отъ насъ, въ такъ называемые бараки, бывшія матросскія казармы.

На кроватяхъ лежать вонючіе раненые, но большая часть на нарахъ. Матрацы, пропитанные гноемъ и кровью, остаются дня по 4 и 5 подъ больными, по недостатку бѣлья и соломы. Обыкновенно слышишь утѣшеніе, что послѣ 24 октября хуже было. Въ 10 часу начинается перевязка и продолжается до 2 и 3 часовъ. Въ 3 часа сносятся тѣ раненые, которымъ необходима операція, по 10 — 12 въ день, и продолжается пока стемнѣеть, слѣдовательно почти до 6 часовъ. При перевязкѣ можно видѣть ежедневно трехъ или четырехъ женщинъ, изъ нихъ одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лѣтъ 17 девушки, и одна жена солдата. Кромѣ этихъ, я встрѣчаю иногда еще одну даму среднихъ лѣтъ, въ вуалахъ и съ папироской въ зубахъ. Это жена какого-то моряка, кажется, приходитъ раздавать свой или другими пожертвованный чай. Дарья теперь является съ медалью на груди, полученную отъ Государя, который велѣлъ ее поцѣловать Великимъ Княземъ, подарилъ ей 500 рублей и приказалъ выдать ей еще 1000 руб., когда выйдетъ замужъ. Она молодая женщина, недурна собою и, какъ кажется, легкаго десятка. Подъ Альмой она приносила

белье, отданное ей для стирки, и здѣсь въ первый разъ обнаружилась ея благородная наклонность помогать раненымъ. Она ассирируетъ и при операціяхъ. На дняхъ я раздалъ по рукамъ по осьмушкѣ чаю и по фунту сахару на каждого больного изъ жертвованныхъ суммъ, купилъ чайниковъ и вина. Женщины при нась во время перевязки поять больныхъ чаемъ и раздаютъ по стакану вина. Отдѣлавшись въ госпиталѣ, мы тѣмъ же порядкомъ отправляемся въ нашъ казематъ и садимся обѣдать, немного пообчи-стившись. Обѣдъ приготовляетъ солдатъ, госпиталь-ный поваръ. Два кушанья: борщъ или супъ и биф-стексъ, составляютъ специальность этого повара; за другое онъ не берется, но эти блюда онъ из-готовляетъ не безъ шика. Кайэнъ и пикули, от-пущеные тобою, оказались весьма кстати. Крымское вино по 30 коп. за бутылку не худо. Иногда послѣ обѣда засыпаю, иногда играю въ шахматы, привезен-ные д-ромъ Каде въ видѣ сюрприза. Около 8 ча-совъ кто-нибудь обыкновенно является для компа-ніи. Передъ сномъ вытираюсь спиртомъ и потомъ засыпаю, но бываю неоднократно пробужденъ ку-саньемъ блохъ. Такъ проходитъ регулярно день за днемъ. Такъ прошли 10 дней. Въ это время я былъ и въ городѣ 3 раза. Не пугайся, нѣтъ тутъ ничего страшнаго. Когда я былъ на другой сторонѣ бухты въ госпиталѣ, то одно ядро прожужжало по бухтѣ

саженяхъ въ 30 отъ парохода, который показался на одномъ ея концѣ. Вотъ все, что до сихъ поръ я видѣлъ или, лучше, слышалъ изъ ядеръ. Правда, всякий день, особливо къ вечеру, слышна нѣсколько времени канонада. Наши препятствуютъ ихъ работамъ, они отстрѣливаются, но ничего серьезнаго не выходитъ. Дѣлаютъ также ночью вылазки небольшія въ ихъ траншеи.

Жизнь, которую я веду, не позволяетъ скучать и потому мнѣ не скучно, хотя я невижу ни тебя, ни дѣтей. Мыслей другихъ нѣть, и быть не можетъ, какъ о раненыхъ, засыпаешь, видя все раны во снѣ, пробуждаешься съ тѣмъ же. Читать и писать времени нѣть. Обермюллеръ завѣдуетъ письменною частью, онъ ведетъ замѣтки и составляетъ описи раненыхъ, которые подвергались операциямъ или почему-либо замѣчательны.

Встрѣчу съ главнокомандующимъ я описалъ, но пришло послѣ. Пробывъ 12 дней въ Севастополѣ, я успѣлъ въ это время распределить больныхъ по отдѣленіямъ, отѣлить нечистыя раны отъ чистыхъ и оперировать почти всѣхъ запущенныхъ съ 24 октября. Кончивъ это, я отправился 25 ноября въ Симферополь, не предвидя покуда никакого важнаго события, хотя вранья было довольно, но все основанное на однихъ слухахъ и показаніяхъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Эти бѣглецы большею частью нѣмцы и испанцы изъ